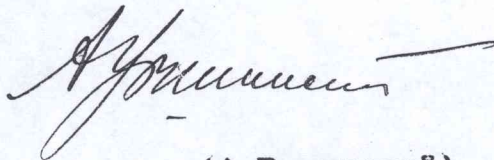

ЦК ВКП (б) - т. ПОСКРЕБЫШЕВУ А.Н.

51 49

Направляю Вам копию письма заключенного ПАРФЕНОВА, отправлен-
ного мною на распоряжение т. ЕЖОВУ.

ПРИЛОЖЕНИЕ: упомянутое.-

(А.Вышинский)

"20" июня 1936 г.

№ 219/исс

АШ. Отп. 2 экз.

№ 1 - адр.,

№ 2 - в дело.

ПРОКУРОРУ СССР т. ВЫШИНСКОМУ

от ПАРФЕНОВА Петра Семеновича, члена
Союза Сов. писателей, члена ВКП(б) с
1917 г., б. отв. инструктор ЦК ВКП(б),
красногвардейца и кр. партизана.

Из Бутырской тюрьмы

З А Я В Л Е Н И Е.

20 окт. 1935 г. по распоряжению СПО УГБ НКВД я был арестован в Мурманске, где находился в кратковременной литер. командировке и после унижительного личного обыска (в момент лит. доклада в Доме Культуры) срочно был доставлен в Москву и помещен в одиночную камеру внутренней тюрьмы НКВД.

До 4-го ноября, при каждодневных длительных допросах, способом более, чем настойчивым, мне предлагалось признаться и подписаться в том, что я вместе с В.Г. ЯКОВЕНКО "являюсь организатором к.-р. троцкистского центра, имеющего свою периферию и низовку". Основными "уликами" против меня выдвигались: 1) отображенные у меня при обыске книги Троцкого, Каменева и Зиновьева и фото (советское издание), 2) рецензия цензора Мучника на мою книгу "Борьба за Дальний Восток" (второе издание), 3) мое выступление за кандидатуру Д.Б. Каменева на общемосковском предс'ездовском обрании писателей в августе 1934 г., 4) показания арестованного литератора И.С. ШКАПА и 5) обширный осведомительный "материал" неизвестного мне автора.

Кроме того, в предварительном следовательском заключении, обосновывающем необходимость моего ареста, было сказано, что я являюсь "сыном раскулаченного кулака", "колчаковским офицером" и даже "омским министром".

Мои самые энергичные протесты, что обвинять меня в троцкизме нельзя, что в распоряжении НКВД имеются более достоверные данные (всего взято было у меня при обысках больше 300 печ. листов и свыше 1000 названий различных рукописей, документов, письма, дневники за 1912-1935 г.г. и др.), из которых видна, как в зеркале, не только моя прошлая жизнь, но и самые интимные мои настроения, — ни к чему не привели. Следователь с тем же упорством продолжал настаивать на своем, пуская в ход такие аргументы, о которых нет возможности здесь говорить. Бумаги мои, за малым исключением, были

сложены в чемодане для отправления в камеру хранения; режим в камере усилен.

Тогда я сделал новое заявление и с разрешения Нач.6-го отд. СПО т. Стромина, разыскал в своем архиве и передал след-
~~ствую~~ **ствую**: 1/ мой дневник за 1925-1928 г.г., перепечатанный на пиш. машинке в виду особой его важности, 2/ письма ко мне т.СТАЛИНА и неопубликованное интервью с ним, 3/ переписку со СЛЕПКОВЫМ и САПОЖНИКОВЫМ относительно Бориса ШУМЯЦКОГО, 4/ копию моего письма Секрет. Каменского Окружкома БУТРОВУ от 14-го июля 1930 г. (в этом письме я высказывался, что Троцкого за его преступления следовало не высылать, а расстрелять) копию телеграммы Стецкого в Главлит относительно моего романа "Личное и общественное" и др. документы, которые конкретно доказывали, что обвинение меня в троцкизме, в сокрытии своего соц. положения и прошлого, — есть подлая, гнусная клевета.

После этого, слово "троцкизм", "кулацкий сын", "колчаковский министр" и "колчаковский офицер" были совершенно вычеркнуты из протокола моего допроса (от 4-го ноября) и следствие по моему делу начал вести сам т. МОЛЧАНОВ, с которым я имел три продолжительных беседы.

8-го декабря т.т. МОЛЧАНОВЫМ и СТРОМИНЫМ был составлен и мной подписан новый "протокол допроса", в котором были зафиксированы совсем иные факты и фамилии, а мне отводилась роль не столько обвиняемого, сколько свидетеля. Режим тюремный в отношении меня был изменен: меня перевели в общую камеру, дали мне очки, книги, газеты, простоквашу и белый хлеб. Затем меня известили, что о моем деле и переданных мною документах извещен секретарь ЦК ВКП/б/ Н.И.ЕЖОВ.

После этого, меня вызвал т. СТРОМИН и по распоряжению т.МОЛЧАНОВА предъявил мне формальное обвинение по ст. 58 п.п. 10 и 11, по которому я изобличался будто бы, как участник к.-р. группы, неизвестного наименования. Это было днем 29-го декабря. С этого времени больше никто и ни разу меня не вызывал, не допрашивал, несмотря на мои неоднократные письменные просьбы об этом, как т.т. МОЛЧАНОВУ и СТРОМИНУ, так и самому т.ЯГОДА. В ночь на 15-е марта меня неожиданно перевели в общую камеру Бутырской тюрьмы. Но отсюда также никто и ни одного раза меня на допрос не вызывал.

Заявляю Вам тоже, что я уже имел случай заявить т.т. ЯГОДА и МОЛЧАНОВУ (и что полностью подтверждается документами), что я

признаю себя виновным только в одном, что скрыл от партии и советской власти мое знакомство с подпольной троцкистской организацией (Б.Шумяцкий, Яковлев Я.А., Сокольников, Голендо, Урицкий и др.) с времени ее блока с бухаринской группой, в которой я принадлежал с мая по ноябрь 1928 г. Этот правотроцкистский блок ставил своей основной задачей замену СТАЛИНА — ТОМСКИМ, МОЛОТОВА — СОКОЛЬНИКОВЫМ, ОРДЖОНИКИДЗЕ — ЯКОВЛЕВЫМ, КИРОВА — ШУМЯЦКИМ и т.д. С весны 1930 г. группа Шумяцкого-Яковлева "признала Сталина", создала новую организацию по его "окружению и приручению" и повела кампанию по дискредитированию и отстранению от руководства партией т.т. МОЛОТОВА, ВОРОШИЛОВА и КАЛИНИНА; (последнего было предложено "политически ликвидировать" мне). Начиная с 17-го партс'езда, группы Яковлева-Шумяцкого начала вести широкую пропаганду по примирению Троцкого со СТАЛИНЫМ, по возвращению Троцкого к руководству партией (в роли председателя ИКИ) и опять-таки по устранению от руководства партией "непримиримых антитроцкистов" т.т. МОЛОТОВА, ВОРОШИЛОВА и КИРОВА.

Что же касается моей собственной антипартийной позиции, которая изложена мной в печально-известной, хотя и неизданной, книге очерков "В родных краях" и "докладной записке ЦК", я отказался от нее еще в 1930 г., когда начал редактировать журнал "Коллективист". Достаточно просмотреть мои статьи, очерки, рассказы, песни, книги, написанные после 1930 г., чтобы в этом убедиться практически. Кроме того, из записей в моем дневнике, можно усмотреть, что к этой к.-р. троцкистской группе Яковлева-Шумяцкого я лично никогда не примыкал и взглядов ее не разделял. Больше того. Я подвергался со стороны этой группы неслыханной травле, особенно после того, когда Яковлеву попало неизвестным мне путем мое письмо к т. Бугрову с высказываниями против Троцкого. Эта группа преследовала меня всяческими способами, и на литературной работе, и в партии. Я располагаю сейчас точными сведениями о том, что и мое исключение из партии произошло по проискам этой троцкистской группы Яковлева-ШУМЯЦКОГО.

Именно поэтому, я был в конце-концов вынужден обратиться за содействием к Л.Б.Каменеву, извиняться перед ним за свое письмо против Троцкого и выступать за него публично на собрании писателей, чтобы, хоть таким путем, получить небольшую амнистию у этих

высокопоставленных троцкистов.

Это мое выступление "за Каменева", кстати сказать, было очень неодобрительно встречено Стецким, а Юдин П.Ф., руководитель Союза писателей, сделал мне за него выговор. Но, через несколько дней, уже на Всесоюзном Съезде писателей Каменев дополнительно был введен и в правление, и в Президиум Союза писателей, а Юдин от руководства Союзом писателей был отстранен; причем, Войтинский и Абрам Ефрос мне сказали, что это Юдину - "щелчок за Каменева", а В. Катаев публично поздравлял меня "с предстоящей политической амнистией, как только Троцкий увидится со Сталиным".

После убийства т. Кирова и ареста некоторых троцкистов, картина изменилась: Г.Н. Войтинский, когда я зашел к нему в "Люкс", бледный и растерянный, приготовился к обыску из-за связей своих с Б. Шумяцким (которого, по его мнению, обязательно должны были арестовать, как "смертельного врага Кирова"), В. Катаев и брат его Евг. Петров (мой сосед по квартире) законспирировались так (вместе с Тарасовым-Родионовым), что обычный визит мой, воспринимался ими, как доносительство.

Я прошу Вас, во-первых - поинтересоваться моим делом, во-вторых поторопить НКВД с окончанием следствия и, в-третьих - дать - мне свидание с женой и право семейной переписки, ибо восьмой месяц как я не имею никаких сведений о своих родителях, детях, жене, братьях и сестрах.

Вместе с этим предупреждаю, что если моя просьба не будет удовлетворена и настоящее мое заявление оставлено Вами без последствий, я буду вынужден с 25-го мая с.г. об'явить длительную голодовку, как единственную доступную форму протеста против незаконного ареста и издевательского ведения следствия.

Прошу известить мне о получении моего заявления.

П/п:

П. ПАРФЕНОВ.

10 мая 1936 г.

Камера № 66,

Бутырская тюрьма.

Копия верна: *Е. Шаинс*

17.У1.АШ.3 экз.